

**АНДРЕЙ
БИТОВ**

АНДРЕЙ БИТОВ

*В ожидании
ОСЕНИ*

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Б66

Художественное оформление серии *Елены Куликовой*

Битов, Андрей Георгиевич.

Б66 В ожидании осени / Андрей Битов. — Москва : Эксмо, 2021. — 192 с.

ISBN 978-5-04-106438-9

Новая и последняя написанная Андреем Битовым книга «В ожидании осени» — очередная глава в Пушкиниане автора.

Битов анализирует Пушкинские тексты с точки зрения его стремления выполнить свою творческую миссию. По мнению Битова, идея и необходимость написать все задуманное сформировалась у Пушкина примерно к 1824-му году. Что следующие 12 лет, вплоть до своей гибели, он последовательно и реализовывал, отмечаясь во всех жанрах, даже изобретая новые и везде достигая вершины. Побег от всего и всех ради творческой реализации и внутренней свободы — это было свойственно и самому Битову.

**УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8**

© Битов А., наследники, текст, 2021
© Гусева А., составление, 2021
© Оформление. ООО "Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-106438-9

Содержание

Пушкин раскрывается в любом месте	8
Приближение	25
Болдинская 1836-го	30
Из Михайловского в Болдино	33
Пушкин и Грибоедов	42
Арион	71
«Изгнанья не страшась, не требуя венца...»	76
Другая свобода	80
Первый побег – Болдинская 1830-го	86
Второй побег – Болдинская 1833-го	95
«В лужицах была буря...»	99
Третий побег – Болдинская 1834-го	129
Утроение Пушкина	137
Послесмертие	148
Постскриптум	157

Перед вами — новая и последняя книга Андрея Георгиевича Битова. Он хотел дописать свой «Пушкинский том». И хотя до самой смерти Битов сохранял совершенно трезвый ум, он все же нашел себе помощника. Эту книгу ему помогала собрать писатель и сценарист Ася Гусева. Часть текстов была написана, а часть — наговорена на диктофон. Для Битова было принципиально разделять виды записи. В результате, получилась даже не книга, а скорее последний разговор Битова — и о Пушкине, и о себе.

Пушкин раскрывается в любом месте

Я хотел начать с конца.

Так я с конца и начну.

Вдруг, в 2017 году, по каким-то внезапным причинам я оказался в Грузии. У меня было эссе «Грузия как заграница», и я хотел его снимать, как фильм. Мне хотелось в Грузию – это любимая моя страна. И еще, конечно, хотелось повидать моего старейшего друга Резо Габриадзе, с которым мы много сотрудничали, – по Пушкину в том числе. Вдруг все так совпало, что я смог там оказаться – в благословенной Грузии моей.

Буквально перед отлетом я взял рабочий том Пушкина, так называемый «Золотой том Томашевского» – истрепанный, поскольку он рабочий, я всегда с собой его вожу, и открыл «Кавказского пленника», которого читал аж в 49-м году, когда мне поручили доклад по Пушкину. Это было 70-летие Сталина и 150-летие Пушкина, и оба юбилея резонансно отмечались. Я добросовестно, как на-

В ожидании осени

стоящий школьник того времени, прочитал, как мне показалось, всего Пушкина. Пропуская то, что мне было неинтересно. Я его и сейчас-то всего не прочитал, но вот тогда мне так показалось.

Я раскрываю «Кавказского пленника». И что же я читаю?

В ауле, на своих порогах,
Черкесы праздные сидят.
Сыны Кавказа говорят
О бранных гибельных тревогах.*

Это совпадение — мое собственное. Ведь даже отец мой не знал, что Битов — это черкесская фамилия и что в пятом поколении я — черкес.

Но именно на этих строках я раскрыл «Золотой том».

Открываю его в другом месте.

И натываюсь на ответ Филарета Московского, когда он простодушно переиначивает стихи Пушкина:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога нам дана;
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,

* Все черновики и стихи Пушкина цитируются по изд.: А. С. Пушкин. Кавказский пленник («Лит. памятники»): — Л., «Наука», 1978.

Андрей Битов

Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал.

Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум!
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум!

Эти стихи часто цитируются в примечаниях, их называют «любительской копией». Но, конечно, это не оспаривание чужой поэзии, это именно ответ, и ответ на том же языке.

Тут важно еще кое-что. Пушкин не всюду и не всегда датирует то, что пишет. Хоть он где-то и сказал: «У меня есть обычай ставить дату». Это не так. Но уж когда он ее подчеркнуто ставит, то это всегда важно. Таким образом, он для нас сохранил две даты по крайней мере. Это, по старому стилю, 19 октября и 14 декабря.

Тут на ответе Филарету сверху стоит «19 января». 19 января – это наше Крещение. Я как раз лечу в Грузию в январе. Этот ответ Филарету – удивительный ответ, который, я понял, отличается от всех виртуальных диалогов Пушкина с его пишущими современниками, гениальными пишущими коллегами, так сказать, которые я себе навыстраивал. Тут ответ другой – не виртуальный, а буквальный. То есть буквальный диалог состо-

В ожидании осени

ялся: вот стихотворение Пушкина, вот ответ Филарета и опять стихотворение Пушкина:

В часы забав иль праздной скуки
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей...

Почему он так сурово отнесся к собственным стихам — непонятно. Но на фоне филаретовских стихов это совершенно не попытка свести счеты по поэтической линии. Это именно ответ духовному лицу, наставнику. Состоялся полноценный диалог.

Тогда-то я и подумал, а не ввести ли мне в золотой список тех, с кем Пушкин как бы переписывался, и духовное лицо, тем более что Филарет, митрополит Московский, был очень знаменит в своем времени, его проповеди перепечатывались, и, в общем-то, ему достаточно поклонялись при жизни — уж не меньше, чем поэтам. Не меньше славы у него было, чем у наших представителей «золотого века». Не ввести ли мне в «золотой век» лицо духовное с прямым диалогом, подумал я. И вдруг явственно понял, что этого диалога мне не хватает.

А после Филарета я подумал: «А что же и женщины ни одной у меня нет в диалогах?» А потому,

Андрей Битов

что, по-видимому, эти диалоги все очень личные и никого не поднять мне на уровень этих фигур — Филарета и самого Пушкина. Не лепить же мне снежный ком из Смирновой-Россет и Екатерины Карамзиной или донжуанского списка. Пусть другие занимаются этим, пусть преувеличивают или приуменьшают.

Они замечательные были, эти женщины, недаром Пушкин так ценил женскую сторону. Он не просто любил женщин — он любил их, по-видимому, как собеседников, душу их любил. Мне близка формула Марины Цветаевой — «Поэт и красавица». Недаром Наталья Николаевна так занимает умы. Она действительно была красива. И погиб он, защищая ее честь. Но не только в красоте ведь было дело. Впрочем, эта история тоже очень личная, хоть и сыграла такую роль в судьбе Пушкина.

Я подумал вдруг, а не взять ли все-таки это признание Пушкина за правду: «Татьяна — это я»? Я тут же сочинил и набросал такое маленькое эссе для пушкинского лексикона «Пушкин — женщина». Поскольку у него это есть — есть у него и то и другое начало. Иначе он так хорошо не понимал бы жизнь. То есть он сыграл нам, представил и роль Великой Женщины.

В своих дневниках («Путешествие и дневник.

В ожидании осени

Статьи», с. 99–100) Кюхельбекер пишет: «Поэт в своей восьмой главе похож сам на Татьяну. Для лицейского товарища, для человека, который с ним вырос и его знает наизусть, как я, везде заметно чувство, коим Пушкин переполнен, хотя он, подобно своей Татьяне, и не хочет, чтобы об этом чувстве знал свет».

По-моему, прекрасные слова!

Кюхельбекер мог разглядеть... Пусть меня простят за привлечение такой ненаучной линии, как гороскопическая, но все-таки Пушкин — Близнец, а это фигура раздвоенная. Мне давно казалось, что хоть Пушкин и был очень мужественный человек и смелый, даже чересчур, все же одного мужского таланта на него было мало. Было в нем еще и сильное женское начало. В Близнце это есть — нечто андрогинное. И это было подмечено достаточно точно любящим человеком, безусловно не желающим Пушкину никакого зла, — Кюхельбекером.

Какой частью Пушкин вошел в Евгения Онегина? Неизвестно. Какой частью он вошел в Татьяну? Тоже неизвестно. Это очень меткое, безревностное замечание, наблюдение поэта, пусть невеликого, но поэта и друга, за другом и великим поэтом.

И тогда неожиданно становится понятным стихотворение «Труд», которое написано, по-види-

А н д р е й Б и т о в

тому, по окончании «Евгения Онегина» в первую Болдинскую осень, странное стихотворение — гекзаметрическое, неровное, квадратное:

Миг вожденный настал: окаянчен мой труд
многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик
ненужный,
Плату принявший свою, чуждый работе другой?
Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

Это удивительный стишок, он зависает как-то вне размеров, вне всего, но это, конечно, памятник завершению «Евгения Онегина» и расставанию с Татьяной, то есть в каком-то смысле расставанию с самим собой.

Я не знаю, в какой последовательности доходили до Кюхельбекера главы «Евгения Онегина», но, по-видимому, этого стихотворения он мог уже и не знать. Стихотворение 30-го года, а Пушкин отсылал не всё, и такой стишок мог остаться неопубликованным. Даже, скорее всего, неопубликованным и был: Пушкин не мог придать большого значения вот такому полугекзаметрическому стихотворению. Но оно очень личное, дневниковое — это факт.

В ожидании осени

И тут труд — это именно расставание. И расставание именно с Татьяной. Так мне кажется. Расставание с этой второй своей частью. И это есть — еще один диалог, диалог с той несуществующей в «золотом веке» Женщиной, с которой Пушкин мог бы сам себя соотносить. Только Татьяна могла бы быть с ним вровень.

Ему пришлось ее выдумать как своего собеседника. Так он, может, и Наталью Николаевну во многом выдумал. Я, кстати, — это мое убеждение, ни на чем не основанное, — думаю, что Сократ, конечно, придуманная Платоном фигура, а не реальная. Поэтому это первое настоящее прозаическое произведение, где присутствует герой.

Герой очень нужен автору. Автор — это эго. А в то же время и не он. То есть ответственность автор за героя не несет. Эта игра в героя и в автора, она двусторонняя, обоюдоострая. Часть отдается герою, часть отдается автору, и кто об кого обрежется, это еще неизвестно. Можно спихнуть свои недостатки на собственного героя, можно наградить его теми достоинствами, которыми сам не обладаешь. Такого рода творчество — это фантомная игра, игра в фантомы. И поскольку Пушкин — типичный близнец и их все равно двое, ему не так сложно было раздваиваться на мужскую и женскую части.